

DOI: 10.22363/2313-2299-2024-15-1-10-21

EDN: CDWGMK

УДК 81'366.54

Научная статья / Research article

Значение и смысл падежной формы в системно-лингвистической перспективе

М.А. Рыбаков

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

rybakov-ma@rudn.ru

Аннотация. Вопрос о соотношении значения и смысла неоднократно становился предметом лингвистических и философских дискуссий как по причине различия концептуальных подходов, так и в результате типичного для истории науки синонимичного употребления терминов в одних трудах и дифференцированного в других. Системная лингвистика обратила внимание на точность лингвистической терминологии и ценность именно дифференцированного использования синонимичных терминов. Актуальность предпринятого исследования определяется значимостью указанной проблемы для дальнейшего развития теории языка, семиотики и семантики. Проблема значения и смысла применительно к знаку вообще обсуждалась в трудах Г. Фреге и представителей аналитической философии XX в. (Р. Карнап, Г. Райл, У. Куайн). Вопрос о значении знака как элемента языковой (или любой иной знаковой) системы, впервые выдвинутый на первый план Ф. де Соссюром, был предметом активного обсуждения в отечественной лингвистике — в XIX в. в трудах А.А. Потебни, И.А. Бодуэна де Куртенэ, в XX в. — В.А. Звегинцева, А.Ф. Лосева, Ю.М. Лотмана, В.М. Солнцева, Ю.С. Степанова. По отношению к грамматике проблема значения и смысла ставилась значительно реже, ее подробный анализ имеется в системной лингвистике Г.П. Мельникова и функциональной грамматике А.В. Бондарко. Цель данного исследования состоит в изучении возможностей использования терминов «значение» и «смысл», последовательно разграниченных в системной лингвистике относительно языкового знака, для частного случая — анализа семантики падежных форм как специфического типа грамматических знаков.

Ключевые слова: грамматическое значение, падеж, общее языкознание, семантика, системная лингвистика, смысл, языковой знак

История статьи:

Дата поступления: 15.09.2023

Дата приема в печать: 15.12.2023

Для цитирования:

Рыбаков М.А. Значение и смысл падежной формы в системно-лингвистической перспективе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2024. Т. 15. № 1. С. 10–21. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-1-10-21>

© Рыбаков М.А., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License <https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Meaning and Sense of the Case Form in the Systemic-Linguistic Perspective

Mikhail A. Rybakov

RUDN University, Moscow, Russian Federation

✉ rybakov-ma@rudn.ru

Abstract. The question of the relationship between meaning and sense has repeatedly become the subject of both — linguistic and philosophical discussions, because of the difference in conceptual approaches, and as a typical in the history of science result of the synonymous use of these terms in some works and differentiated use in others. The systemic linguistics has drawn attention to the accuracy of linguistic terminology and the value of precisely differentiated use of synonymous terms. The relevance of the undertaken study is determined by the significance of this problem for the further development of the linguistic theory, semiotics, and semantics. The problem of meaning and sense in relation to the sign was generally discussed in the works of G. Frege and representatives of the analytical philosophy of the 20th century (R. Carnap, G. Ryle, W. Quine). The issue of the meaning of a sign as an element of a linguistic (or any other semiotic) system was firstly brought to the fore by F. de Saussure. It was the subject of active discussion in Russian linguistics — in the 19th century in the works of A.A. Potebnya, I.A. Baudouin de Courtenay, in the 20th century — in the works of V.A. Zvegintsev, A.F. Losev, Ju.M. Lotman, V.M. Solntsev, Ju.S. Stepanov. In relation to grammar, the issue of meaning and sense was posed much less frequently; its detailed analysis is available in the systemic linguistics of G.P. Melnikov, and the functional grammar of A.V. Bondarko. The purpose is to study the possibilities of using the terms “meaning” and “sense”, consistently distinguished in systemic linguistics referring to the linguistic sign, for a particular case — the analysis of the semantics of case forms as a specific type of grammatical signs.

Keywords: grammatical meaning, case, general linguistics, semantics, systemic linguistics, sense, linguistic sign

Article history:

Received: 01.09.2023

Accepted: 15.12.2023

For citation:

Rybakov, M.A. (2024). Meaning and Sense of the Case Form in the Systemic-Linguistic Perspective. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 15(1), 10–21. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-1-10-21>

Введение

Проблема разграничения значения и смысла языковых единиц не была центральной для традиционной лингвистики. Об этом свидетельствует, в частности, отсутствие статьи «Смысл» в основных энциклопедических словарях по лингвистике — «Лингвистическом энциклопедическом словаре» (М., 1990) и «Русский язык. Энциклопедия» (М., 1997), при этом смысл упоминается в статьях «Понятие», «Семантика», «Сигнификат», «Функциональная грамматика», «Язык», «Языкознание». В то же время указанная проблема находилась в центре внимания системно-лингвистических теорий языка, выдвинутых В. фон Гумбольдтом, А.А. Потебнёй и Г.П. Мельниковым. Создатели названных

теорий стремились показать, что четкое разграничение указанных терминов позволит решить многие спорные вопросы, касающиеся соотношения языка и мышления, языка и речи, субстанции и структуры в семантике.

Актуальность вопроса о соотношении значения и смысла языковых знаков различных типов и уровней обусловлена потребностью современной лингвистической семантики в использовании инструментов, позволяющих адекватно представить различие между языком как виртуальной системой потенциально известных и понятных знаков и текстом как реальной системой употребляемых и понимаемых знаков. Такое разграничение должно помочь уточнить научные представления о соотношении языковой и речевой семантики и выработать методы лингвистического анализа, позволяющие выявлять условия эффективности использования речевых знаков при указании на мыслительный образ внеязыковой действительности, подлежащий трансляции в речевом акте.

Проблема соотношения значения и смысла затрагивалась в трудах по общему языкознанию С.Д. Кацнельсона [1], Ю.С. Степанова [2], работах по лексикологии и семантике В.В. Виноградова [3], В.Г. Гака [4], Н.Г. Комлева [5]. Чаще всего лексическое значение слова сопоставляется с понятием как его языковое содержание с логическим (мыслительным) содержанием, а грамматическое — с более общими понятийными категориями, такими как предметность, качество, количество, процессуальность. Широко распространенным является понимание лексического значения как продукта мыслительной деятельности человека, тесно связанного с такими ее видами, как сравнение, классификация, обобщение [6. С. 261]. Исследование проблемы значения и смысла в грамматике на основе анализа общелингвистических трудов по этому вопросу было предпринято в монографии А.В. Бондарко [7].

В философском контексте проблема смысла и значения была впервые отчетливо сформулирована в работе Г. Фреге «Über Sinn und Bedeutung» (1892) (русский перевод [8]), однако смысл в ней рассматривается как объект самой действительности, а не ментальная сущность. Указанная работа оказала значительное влияние на такие философские направления как логический позитивизм (Б. Рассел, Р. Карнап) и аналитическую философию (Л. фон Витгенштейн), хорошо известна в лингвистике и семиотике, но не является основополагающей для лингвистической семантики, так как не решает вопрос о семантической субстанции языка. Здесь можно также отметить, что выдвинутое Г. Фреге разграничение получило в лингвистической семантике иное толкование — как разграничение сигнификативного и денотативного типов значений. В целом для основных направлений европейской философской мысли характерно увязывание смысла с понятиями ценности и значимости, и сам смысл выступает не только как атрибут знаков, но также вещей и явлений. Философская теория смысла получила специальное освещение в недавно вышедшей монографии [9].

Цель данной статьи состоит в исследовании возможностей использования терминов «значение» и «смысл», последовательно разграниченных в системной лингвистике относительно языкового знака, для частного случая — анализа семантики падежных форм как специфического типа грамматических знаков. Поставленная цель требует, во-первых, обоснования уместности использования указанных терминов не только в лексикологии, но и в грамматике, а, во-вторых, специализации общих понятий грамматической семантики применительно к категории падежа. Многогранность поставленной проблемы предполагает возможность ее более детального рассмотрения как в рамках других лингвистических теорий, так и на материале других категорий языка, однако, это было бы задачей явно выходящей за рамки одной статьи.

Значение и смысл языкового знака

Хотя В. фон Гумбольдт не формулирует специально определения значения и смысла, внимательное прочтение трудов основателя научного языкознания показывает значимость этого различия для его теории языка. В этом отношении наиболее показательными представляются следующие тезисы: «слово не просто вызывает в слушателе соответствующее значение <...>, но непосредственно предстает перед слушателем в своей форме как часть бесконечного целого, языка» [10. С. 78]; «как правило, слово получает свой полный смысл только внутри сочетания, в котором оно выступает» [10. С. 168]. Тем самым ученый трактует значение как уже имеющуюся в психике слушателя и возбуждаемую в речевом акте ментальную единицу, а смысл – как контекстно обусловленное, актуальное для конкретного высказывания мыслительное представление, выражаемое говорящим. Здесь можно добавить, что В. фон Гумбольдт рассматривает слово не как знак («отпечаток») предмета самого по себе, но как его образ в мышлении человека [10. С. 80]; значение в понимании В. фон Гумбольдта не является всеобщим и неизменным, а обладает индивидуальной спецификой, характерной для внутреннего мира отдельного индивидуума, по отношению к представлению о содержании того же слова у других говорящих на этом же языке, и вместе с тем — национальной спецификой, характерной для говорящего коллектива, по отношению к похожим значениям других языков.

Разъясняя сущность акта коммуникации и опираясь на размышления В. Гумбольдта о синтетической деятельности языка, А.А. Потебня характеризует значение как смысл, общий для говорящего и слушающего, смысл, не ограниченный индивидуальным мышлением: «Слово одинаково принадлежит и говорящему, и слушающему, а потому значение его состоит не в том, что оно имеет определенный смысл для говорящего, а в том, что оно способно иметь смысл вообще» [11. С. 162]. Если у Г. Фреге рассматриваемые понятия разграничены как различные типы референции, то здесь они разграничиваются как различные степени коммуникативной общности содержания языкового знака.

И.А. Бодуэн де Куртенэ, анализируя лингвистические идеи Н.В. Крушевского, указывает на его заслугу, состоящую в подчеркивании различия генетического и индивидуального значения слова [12. С. 157], отмечает, что оно придается слову непрерывностью ассоциаций представлений [12. С. 179] и диалектически характеризует его как «элемент морфологически-семасиологический» [12. С. 182].

Опираясь на идеи указанных здесь основателей системного учения о языке, Г.П. Мельников дает следующее определение значения — «коммуникативно ориентированная абстракция, связанная с языковым знаком непосредственно и образующая вместе с этим знаком и связью монему языка» [13. С. 33], тем самым включая его в систему языка (как одну из сторон монемы) и в систему языкового мышления (как абстракцию, но не любую, а «коммуникативно ориентированную»). В этой же работе указывается на связь значения с действительностью, его структурированность и мотивированность: «значение, являясь, хотя и абстрактным, но все-таки образом объектов внешнего мира, имеет структуру, мотивированную внешним миром» [13. С. 28], а в другой публикации подчеркнуто, что значение должно быть отнесено к числу собственно языковых единиц, так как «его происхождение и использование связано только с потребностью в коммуникации с помощью знаков» [14. С. 233]. Таким образом, в [13] значение определено как один из типов означаемого языкового знака в отношении к понятию — структурной модели класса образов внешней действительности. Связь значения с отражением действительности можно представить таким образом: объект внешнего мира → его конкретный образ → класс образов → абстрактный образ (=структурная модель) класса (понятие) → понятие, непосредственно ассоциированное с означающим (значение). В [14] значение рассматривается по отношению к речи и взаимодействию коммуникантов в виде следующей динамической структуры: образ внешнего мира у говорящего = смысл передаваемого сообщения → значения как интегральная часть сознаний коммуникантов → смысл, возникающий у адресата под воздействием языковых значений. В обоих аспектах (коммуникативном и когнитивном) значение, с точки зрения системной лингвистики, оказывается собственно языковым, то есть социализированным психическим явлением, зависящим от детерминанты языка как системы, обеспечивающей коммуникативную деятельность человека.

Согласно системной теории языка и мышления «психические единицы, обеспечивающие мышление, имеют образную природу, то есть обладают многими характеристиками, аналогичными, подобными и сходными с объектами внешнего мира» [15, С. 227], то есть понятия, значения и смыслы являются психическими образами, тесно связанными друг с другом, но отличающимися по своим функциям.

По отношению к смыслу Г.П. Мельников определяет значение как ассоциированную со знаком абстракцию, «вариант, который сохраняется при

обозначении любого смысла с помощью данного знака» [16. С. 224] и абстрактный образ коммуникативно выделенного класса мыслительных единиц [16. С. 272]. При этом смысл понимается как мыслимое содержание конкретного речевого знака в определенной ситуации, как внеязыковой мыслительный образ, а значение — как узуальный, общеизвестный и закрепленный в социальной коммуникации смысл знака: оно «во всех случаях инвариантно, обязательно, узуально и, таким образом, надситуативно» [17. С. 18–19]. «Смысл знака в любом акте коммуникации — величина вариативная,okkaзиональная, нередко абсолютно уникальная, представленная лишь в единственном случае употребления данного знака в данном смысле» [17. С. 19]. Таким образом, значение выступает как «общеизвестное языковое средство намека на смысл, и поэтому у него может быть не один узуальный, т. е. общеизвестный смысл и, тем более, — не одинokkaзиональный, мотивированный лишь контекстом» [18. С. 20–21], то есть входит в язык как знаковую систему и в языковое мышление как его семантическую подсистему, а смысл характеризуется как «участок бесформенной массы» мыслей в конкретном акте речевой деятельности [19. С. 8], то есть находится уже за рамками языка как социализированной в результате многочисленных актов коммуникации системы знаков.

Об актуальности проблемы анализа коммуникации как феномена одновременно и психического, и социального, принципы которого наиболее четко сформулированы в системной теории языка, свидетельствуют современные психолингвистические и лингвопрагматические исследования в этой области: в частности, П.А. Щербо обращает внимание на то, что различным психологическим состояниям, выделяемым в рамках теории транзакционного анализа, «должен соответствовать определенный набор языковых средств, составляющих специфику идиолекта на вербальном уровне — для достижения максимального эффекта от коммуникации» [20. С. 84].

Значение и смысл грамматической формы

В лингвистике понимание грамматической формы как знака восходит к идеям Московской фортунатовской школы («звуковое выражение формального значения в слове называется его формой» [21. С. 69]) и является широко известным. Таково, например, ее определение в «Лингвистическом энциклопедическом словаре»: «языковой знак, в котором грамматическое значение находит свое регулярное (стандартное) выражение» [22. С. 116]. Следовательно, семантической стороной грамматической формы в языке будет выступать грамматическое значение, а в речи — грамматический смысл. При этом первый термин встречается в лингвистической литературе широко, а второй — значительно реже. Предметом специального исследования данная оппозиция стала в монографии А.В. Бондарко, который рассмотрел историю вопроса о языковом содержании в отечественной грамматической традиции [7. С. 7–35], проанализировал взгляды Г.П. Мельникова на разграничение

значения и смысла относительно языка и мышления, языковой системы и речевой коммуникации на основе его системной теории языкового знака [7. С. 37–39] и сформулировал данную оппозицию через противопоставление понятийных категорий (смысл) и языковых семантических функций (значение) [7. С. 72–94].

В современной системной лингвистике грамматические значения определяются как специализированные исключительно для пояснения темной или ремной функции ономатических значений [23. С. 17–18]. При этом «грамматические значения могут выступать либо в «чистом виде», если они представлены специализированными морфемами («чисто реляционными»), либо «флексионно», если некоторая морфема представляет одновременно не только единицу грамматического значения, но и единицу «ономатического» (деривационно-реляционные морфемы)» [23, С. 18]. Как отметил А.Ф. Дремов, «Г.П. Мельников разграничивает значение (семантику морфемы) и смысл (семантику формы в контексте); иными словами, инвариантное значение морфемы, связанное с ней ассоциацией по смежности, может быть ассоциировано по сходству с единицами внеязыкового сознания, или смыслами, и обслуживать таким образом достаточно широкое поле актуальных смыслов» [24. С. 63].

Значение и смысл падежной формы

Наиболее общее значение падежной грамматической формы в системной лингвистике определяется как ее «коммуникативное ампула» [25. С. 70], в соответствии с которым эти формы делятся на «притемные» и «приремные», то есть синтаксически зависимые от темы или ремы — главных компонентов коммуникативной структуры высказывания. Выполнение различных специализированных темных и ремных функций составляет грамматическое значение падежа. В конкретных речевых контекстах одна и та же падежная форма может обладать различными смыслами, которые составляют семантическое поле — «комплекс смыслов падежной формы, ассоциированный с ее инвариантным значением, и обычно рассматриваемый сторонниками неинвариантной семантики падежной формы в качестве набора самостоятельных значений самого падежа» [24. С. 63–64]. Идеи статьи Г.П. Мельникова [25], несмотря на перспективность выдвинутого в ней подхода к анализу падежа, в отношении конкретных языков использовались крайне редко — здесь можно отметить только работы по тюркским языкам М.Э. Дубровиной [26–28] и публикации А.Ф. Дрёмова, посвященные падежу в русском языке. А.Ф. Дрёмов, в частности, показал, что различные «значения» творительного падежа — объекта (*запасаться одеждой*), инструмента (*ударить вожжами*), материала (*красить охрой*), образа действия (*наваливать грудами*), сравнения (*висели тонким кружевом*) — являются контекстными смыслами, которые объединяются общим языковым значением формы этого падежа — ‘выявитель

глагольного признака' [24. С. 62], которое служит единой внутренней формой, узуальным средством намека на все перечисленные смыслы, то есть по отношению к смыслам выступает только как знак, указывающий на второстепенную приремную роль имени в коммуникативной структуре высказывания, но не как сам по себе логический, точнее, внеязыковой смысл, падежной формы. Смысл же лежит за пределами языка и тесно связан с объективными свойствами именуемых инструментов, материалов, субъектов.

Соотношение значение и смысла можно рассмотреть не только в направлении от формы к функциям, как показано выше, но и через сопоставление различных способов языковой репрезентации одной и той же ситуации. Рассмотрим примеры, данные в статье [29. С. 65]: (1) *Мать наполняет чайник*; (2) *Вода наполняет чайник*; (3) *Мать наполняет чайник водой*. В примере (2) вода выступает в роли подлежащего, имеет форму именительного падежа и, можно предположить, что выполняет функцию субъекта-агенса. При этом лексическое значение этой словоформы, то есть наши знания о мире подсказывают, что вода не может быть сознательным инициатором действия, однако указанное понимание относится к смыслу словоформы. Что же касается значения, то именительный падеж является типичным выразителем темы в актуальном членении высказывании, и это значение темы в данном высказывании реализовано. Возникает вопрос — для чего языку нужны формы с таким широким кругом значения, какой имеется в русском языке у именительного, творительного и любого другого падежа? Системная лингвистика отвечает на этот вопрос, показывая, что естественный человеческий язык — это не жесткое логическое исчисление, основанное на однозначных символах, а коммуникативная знаковая система, которая дает возможность говорящему различным способом сфокусировать внимание адресата на различных гранях одной и той же ситуации в зависимости от целей конкретного сообщения и представить ее с различной степенью детализации. Так, в примере (3) вода представлена в типичной для нее роли средства через значение приглагольного признака. Такая гибкость позволяет языку представить как типичные, так и нетипичные ситуации, добавим такой пример: (4) *Вода сильным потоком наполняет улицы*. В этом примере вода уже выступает в качестве инициатора события, стихийной силы, самостоятельно совершающей действие, и ее выступление в роли подлежащего представляется более логичным, но и здесь возможны синтаксические трансформации: (5) *Сильный поток наполняет улицы водой*; (6) *Улицы наполняются водой*.

В результате этих трансформаций образуются вовсе не синонимы поверхностного уровня языка, отражающие один и тот же глубинный уровень языковой структуры, а различные коммуникативные структуры, выражающие один и тот же внеязыковой смысл, но для разных коммуникативных задач и при помощи узуальных смыслов, то есть смыслов, закрепленных в языке в качестве значений. Падежные формы выступают как активное средство

формирования образа ситуации. Роль образа в семантической структуре знака для всех стилей речи раскрывается в работах основоположника современной системной лингвистики [13; 14; 16; 19; 30] и его последователей [31–34].

Заключение

Разграничение значения и смысла, предлагаемое в системной лингвистике, дает возможность в четких терминах решить задачу различения мыслительных единиц, используемых как в индивидуальном познании внешнего мира, так при коммуникативном взаимодействии, и единиц языковых (семантических), функция которых как раз и состоит в обеспечении коммуникации. Указанное различие касается не только лексического значения и смысла, но в равной мере и грамматического значения и смысла (в системной лингвистике также называемого служебным), в том числе и таких абстрактных служебных категорий, к каким относится падеж. Использование идей системной лингвистики в области грамматики позволяет избежать формально-логического подхода к грамматическим категориям и показать их коммуникативную природу, необходимо присутствующую в любом языковом явлении. Системное истолкование соотношения значения и смысла падежной формы позволяет объяснить как источник сужения и расширения функций падежной формы в диахронии, так и различное количество функций, выражаемых падежной формой, имеющей одинаковое название, в разных языках.

Библиографический список

1. Кацнельсон С.Д. Содержание слова, значение и обозначение. М.; Л.: Наука, 1965.
2. Степанов Ю.С. Язык и метод. К современной философии языка. М.: Языки русской культуры, 1998.
3. Виноградов В.В. Избранные труды Т. 3. Лексикология и лексикография. М.: Наука, 1977.
4. Гак В.Г. Языковые преобразования. М.: Языки русской культуры, 1998.
5. Комлев Н.Г. Компоненты содержательной структуры слова. М.: КомКнига, 2006.
6. Гак В.Г. Лексическое значение слова // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990.
7. Бондарко А.В. Грамматическое значение и смысл. Л.: Наука, 1978.
8. Фреге Г. Смысл и значение // Избранные работы. М.: Дом интеллектуальной книги, 1997.
9. Кравец А.С. Философская теория смысла. Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2022.
10. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984.
11. Потебня А.А. Мысль и язык. М.: Лабиринт, 1999.
12. Бодуэн де Куртене И.А. Избранные труды по общему языкознанию. Т. I. М.: Изд-во АН СССР, 1963.
13. Мельников Г.П. Типы означаемых языкового знака и детерминанта языка // Проблемы семантики. М.: Наука, 1974. С. 25–34.
14. Мельников Г.П. Язык и речь с позиций системной лингвистики // Язык и речь. Тбилиси: Мецниереба, 1977. С. 201–243.
15. Бахтиреева У.М., Валентинова О.И. Особенности «языкового мышления» с позиций системной лингвистики // *Russian Journal of Linguistics*. 2022. Т. 26. № 1. С. 224–244. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-30149>
16. Мельников Г.П. Системология и языковые аспекты кибернетики. М.: Советское радио, 1978.

17. Мельников Г.П., Мурашевский Т.В. Системные методы в информатике и научно-информационной деятельности // Теория и практика научно-технической информации (системные методы в информатике и информационной практике): Материалы семинара. М.: Московский дом научно-технической пропаганды, 1973. С. 3–19.
18. Мельников Г.П. Системная типология языков: синтез морфологической классификации языков со стадиальной. М.: РУДН, 2000.
19. Мельников Г.П. Семантика и проблемы тюркологии // Советская тюркология. 1971. № 6. С. 3–16.
20. Щербо П.А. Проектирование структуры коммуникации и идиолекта политика методом трансакций // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты. 2023. № 48. С. 83–87.
21. Аванесов Р.И., Сидоров В.Н. Очерк грамматики русского литературного языка. Ч. I. Фонетика и морфология. М.: Учпедгиз, 1945.
22. Лопатин В.В. Грамматическая форма // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 116.
23. Мельников Г.П. Природа грамматических значений с позиций системной лингвистики // Семасиология и грамматика: Краткие тезисы докладов и сообщений научной конференции языковедов Центрально-Черноземной зоны. Тамбов: ТГПИ, 1977. С. 16–18.
24. Дрёмов А.Ф. Функционально-коммуникативный подход к методике выявления падежного значения // Синтаксис и стилистика: функциональный аспект. М.: УДН, 1982. С. 44–55.
25. Мельников Г.П. К проблеме критериев разграничения литературных, разговорных и просторечных форм (на материале русских падежей) // Социально-лингвистические исследования. М.: Наука, 1976. С. 69–79.
26. Дубровина М.Э. Эволюция тюркской категории склонения в контексте системной лингвистики (на материале языка древнетюркских рунических памятников) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. 2013. № 1. С. 10–17.
27. Дубровина М.Э. О тюркских падежах с сопроводительной семантикой // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2009. № 4. С. 166–170.
28. Дубровина М.Э. О причинах «опущения» родительного падежа в тюркских языках // Научное наследие В.А. Богородицкого и современный вектор исследований Казанской лингвистической школы. Труды и материалы международной конференции. Казань, 2016. С. 126–132.
29. Мельников Г.П., Дрёмов А.Ф. Уровни связности текста, актуальная предикация и падеж с позиций системной лингвистики // Коммуникативный синтаксис. Сб. научных трудов. М.: УДН, 1984. С. 49–70.
30. Мельников Г.П. Коммуникативный ракурс – основа семантического и грамматического своеобразия языка как изобразительной знаковой системы // Методология лингвистики и аспекты изучения языка. М.: УДН, 1988. С. 11–26.
31. Валентинова О.И. Образное мышление в науке (на материале сочинения В.О. Ключевского «История России») // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2022. № 4. С. 48–57. <https://doi.org/10.20339/PhS.4-22.048>
32. Валентинова О.И., Денисенко В.Н., Преображенский С.Ю., Рыбаков М.А. Системный подход к исследованию текста и стиля: обоснование причинной типологии текстов // Системный взгляд как основа филологической мысли. М.: ЯСК, 2016. С. 171–301.
33. Денисенко В.Н., Красина Е.А., Лазарева О.В. Системная типология языков: анализ и синтез в науке о языке // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2019. Т. 10. № 1. С. 9–18. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2019-10-1-9-18>
34. Дрёмов А.Ф. Структура семантики падежной морфемы в свете системных воззрений на природу языкового знака // Русский язык на рубеже тысячелетий: Материалы Всероссийской конференции. 26–27 октября 2000 г. Т. 2. СПбГУ, 2001. С. 224–231.

References

1. Kacnel'son, S.D. (1965). *Word content, meaning and designation*. Moscow; Leningrad: Nauka. (In Russ.).
2. Stepanov, Ju.S. (1998). *Language and Method. Toward a Modern Philosophy of Language*. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury. (In Russ.).
3. Vinogradov, V.V. (1977). *Selected Works*. Vol. 3. *Lexicology and lexicography*. Moscow: Nauka. (In Russ.).
4. Gak, V.G. (1998). *Language Transformations*. Moscow: Jazyki russkoj kul'tury. (In Russ.).
5. Komlev, N.G. (2006). *Components of the Content Structure of the Word*. Moscow: KomKniga. (In Russ.).
6. Gak, V.G. (1990). Lexical Meaning of the Word. In: *Linguistic Encyclopedic Dictionary*. Moscow: Sovetskaja enciklopedija. (In Russ.).
7. Bondarko, A.V. (1978). *Grammatical Meaning and Sense*. Leningrad: Nauka. (In Russ.).
8. Frege, G. (1997). Meaning and Sense. In: *Selected Works*. Moscow: Dom intellektual'noi knigi. (In Russ.).
9. Kravec, A.S. (2022). *Philosophical Theory of Meaning*. Voronezh: Izdatel'skii dom VGU. (In Russ.).
10. Humboldt, W. (1984). *Selected Works on Linguistics*. Moscow: Progress. (In Russ.).
11. Potebnja, A.A. (1999). *Thought and Language*. Moscow: Labirint. (In Russ.).
12. Baudouin de Courtenay, I.A. (1963). *Selected works on linguistics*. Vol. 1. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR. (In Russ.).
13. Mel'nikov, G.P. (1974). Types of Signifieds of a Linguistic Sign and a Language Determinant. In: *Problems of Semantics*. Moscow: Nauka. pp. 25–34. (In Russ.).
14. Mel'nikov, G.P. (1977). Language and Speech from the Standpoint of Systemic Linguistics. In: *Language and Speech*. Tbilisi: Mecniereba. pp. 201–243. (In Russ.).
15. Bakhtikireeva, U.M. & Valentinova, O.I. “Language Thinking” from the Perspective of Systemic Linguistics. *Russian Journal of Linguistics*, 26(1), 224–244. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-30149> (In Russ.).
16. Mel'nikov, G.P. (1978). *Systemology and Linguistic Aspects of Cybernetics*. Moscow: Sovetskoe radio. (In Russ.).
17. Mel'nikov, G.P. & Muranivskij, T.V. (1973). Systemic Methods in Informatics and Scientific Information Activity. In: *Theory and practice of scientific and technical information (Systemic methods in informatics and information practice)*. Moscow: Moskovskii dom nauchno-tekhnicheskoi propogandy. pp. 3–19. (In Russ.).
18. Mel'nikov, G.P. (2000). *Systemic Typology of Languages: Synthesis of Morphological Classification of Languages with Stadiol*. Moscow: RUDN publ. (In Russ.).
19. Mel'nikov, G.P. (1971). Semantics and Problems of Turkology. *Soviet Turkology*, 6, 3–16. (In Russ.).
20. Shcherbo, P.A. (2023). Designing the Structure of Communication and the Idiolect of Politics by the Method of Transactions. *Foreign languages: linguistic and methodological aspects*, 48, 83–87. (In Russ.).
21. Avanesov, R.I. & Sidorov, V.N. (1945). *Essay on the grammar of the Russian literary language. P. I. Phonetics and morphology*. Moscow: Uchpedgiz. (In Russ.).
22. Lopatin, V.V. (1990). Grammatical form. In: *Linguistic Encyclopedic Dictionary*. Moscow: Sovetskaja enciklopedija. P. 116. (In Russ.).
23. Mel'nikov, G.P. (1977). The Nature of Grammatical Meanings from the Standpoint of Systemic Linguistics. In: *Semasiology and Grammar. Brief Abstracts of reports and messages of the scientific conference of linguists of the Central Black Earth zone*. Tambov: TGPI. pp. 16–18. (In Russ.).
24. Drjomov, A.F. (1982). Functional and Communicative Approach to the Method of Revealing Case meaning. In: *Syntax and style: Functional aspect*. Moscow: UDN publ. pp. 44–55. (In Russ.).

25. Mel'nikov, G.P. (1976). On the Problem of Criteria for Distinguishing between Literary, Colloquial and Vernacular Forms (based on Russian cases). In: *Socio-linguistic research*. Moscow: Nauka. pp. 69–79. (In Russ.).
26. Dubrovina, M.E. (2013). Evolution of the Turkic Category of Declension in the Context of Systemic Linguistics (based on the language of ancient Turkic runic monuments). *Bulletin of St. Petersburg University. Oriental and African studies*, 1, 10–17. (In Russ.).
27. Dubrovina, M.E. (2009). On Turkic Cases with Comitative Semantics. *Bulletin of St. Petersburg University. Series 9. Philology. Oriental studies. Journalism*, 4, 166–170. (In Russ.).
28. Dubrovina, M.E. (2016). On the Reasons for the “Omission” of the Genitive Case in the Turkic languages. In: *Scientific heritage of V.A. Bogoroditsky and the modern vector of research of the Kazan Linguistic School. Proceedings of the international conference*. Kazan. pp. 126–132. (In Russ.).
29. Mel'nikov, G.P. & Drjomov, A.F. (1984). Levels of Text Coherence, Actual Predication and Case from the Point of View of Systemic Linguistics. In: *Communicative Syntax. Collection of scientific papers*. Moscow: UDN publ. pp. 49–70. (In Russ.).
30. Mel'nikov, G.P. (1988). The Communicative Perspective — the Basis of the Semantic and Grammatical Originality of the Language as Pictorial Semiotic System. In: *Methodology of Linguistics and Aspects of Language Learning*. Moscow: UDN publ. pp. 11–26. (In Russ.).
31. Valentinova, O.I. (2022). Figurative Thinking in Science (based on the work of V.O. Klyuchevsky “History of Russia”). *Philological Sciences. Scientific reports of higher education*, 4, 48–57. <https://doi.org/10.20339/PhS.4-22.048> (In Russ.).
32. Valentinova, O.I., Denisenko, V.N., Preobrazhenskij, S.Ju. & Rybakov, M.A. (2016). A Systemic Approach to the Study of Text and Style: Substantiation of the Causal Typology of Texts. In: *A systemic view as the basis of philological thought*. Moscow: LRC Publ. pp. 171–301. (In Russ.).
33. Denisenko, V.N., Krasina, E.A. & Lazareva, O.V. (2019). Systemic Typology of Languages: Analysis and Synthesis in the Science of Language. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 10(1), 9–18. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2019-10-1-9-18>
34. Drjomov, A.F. (2001) The structure of the semantics of the case morpheme in the light of systemic views on the nature of the linguistic sign. In: *Russian language at the turn of the millennium. Materials of the All-Russian Conference. October 26–27, 2000*. Vol. 2. Saint Petersburg. pp. 224–231. (In Russ.).

Сведения об авторе:

Рыбаков Михаил Анатольевич, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры общего и русского языкознания филологического факультета, Российский университет дружбы народов (117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6); *сфера научных интересов*: грамматическая семантика, история языкознания, лингвистическая типология, семиотика; *e-mail*: rybakov-ma@rudn.ru
ORCID: 0000-0001-9444-3889; Scopus Author ID: 57200527717; ResearcherID: D-6900-2019.
SPIN-код: 6890-7000, AuthorID: 424382.

Information about the author:

Mikhail A. Rybakov, PhD in Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of General and Russian Linguistics, Faculty of Philology, RUDN University (6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russian Federation, 117198); *Research interests*: grammatical semantics, history of linguistics, linguistic typology, semiotics; *e-mail*: rybakov-ma@rudn.ru
ORCID: 0000-0001-9444-3889; Scopus Author ID: 57200527717; ResearcherID: D-6900-2019.
SPIN-code: 6890-7000, AuthorID: 424382.